СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Однообразен распорядок дня,
хотя порой случаются… нюансы:
усталость, раздражение и трансы,
когда суровый глаз сверлит меня.

Обычно благосклонен этот взгляд:
на телефоне я не заболталась,
и отзвонила всем, кому он рад,
и написала письма по заказу
(он одобряет мой рассказ и стиль),
и не перечила ему ни разу…

…в доме – штиль.

* * *

Я хочу, чтобы память осталась в ладонях,
чуть шершавая память китайской одежды,
и чтоб запах остался неувядаем
тех пионов, и ландышей, и надежды.

Твои губы шершавые жарко дышат,
а глаза твои узкие – угольки.

Нас никто не увидит и не услышит
близ моей желтокожей родной реки.

Вечера, о которых потом писали
«незабвенные вечера»…
И чего мы друг другу не обещали!
…как вчера.

Опускается занавес. Всё сместилось,
все затянуты в битвы идеологий,
и впадают балованные в немилость –
их с Олимпа преследует голос строгий.

Глас народа? Так думали и в России.
Снова бегство… Разлука. Прощанье ранит.
А в стране из поэта возник Мессия…
Я хочу, чтоб в ладонях осталась память.

* * *

Она австралийка. Самым своим нутром.
Ещё до церемонии, меченой шуточным
подношением юного саженца, – киньте
его через плечо и он примется
в любой почве. Крепыш.

Ну, она-то не столь крепка,
но уже пустила здесь корень
и чувствует, что иностранность
лишь укрепляет ощущение её принадлежности.

Почва охватывает и держит крепко,
в ней безопасность, тепло, источник энергии.
Эвкалипты быстро растут под горячим солнцем,
ветры играют и треплют тонкие листья,
к этой живой красоте привыкает глаз.

Здесь она дома и говорит: место, где я
родилась, лишь точка на карте – русский
Харбин на китайской земле. Дом здесь.

Русскость когда-то текла мёдом бальмонтовских
стихов, наполнялась мужеством шолоховских
героев. Позже пришла влюблённость.
Это бывает. Я полюбила английский язык.
Новые эмигранты удивлены:
– Вы совсем русская!
Те, кому не даётся язык, говорят:
– Вы ж австралийка.
Спасшись от старой боли и новых угроз,
новые эмигранты, как дети, жадно хватают
новую жизнь… потом тоскуют.
Не о друзьях (большинство которых уже разъехалось),
не о циркачестве новых политиканов – о местах,
где родились воспоминания, о бедной выхолощенной
земле и надвигающихся тучах…

* * *

Я пишу по-английски о русском Китае,
иногда наше прошлое сочиняю,
и цитаты поэтов не очень точны,
но всплывает прошедшее, явь и сны,
и голоса любимых…
Синей птицей слетает ко мне былое,
а казалось воробышком в том саду…
Было… может быть, и такое…
В неизвестное будущее иду
под тяжёлыми вязами по Садовой
с моим рыженьким сеттером поутру
в долгую мою жизнь.
Кто-то крикнул: «Остановись!»
Кто-то: «Сюда, направо!»
Кто-то: «Иди назад!»

Может быть, потому и пишу невпопад
и не на том языке,
на котором клялась Пушкину.

* * *

Лучше всего в постели
Что-то строчить за полночь
Верить своим словам
Верить звуку молчанья
И назначать свиданье
Новым, чужим стихам.

* * *

Валерию

Мы даже ссорились в последних письмах:
Вы Бродского назвали «бутербродским»
и голос ваш, подобный ветру в листьях,
стал желчным, невоздержанным и плотским.
Но прошлое ушло. Вас больше нет.
Остались безупречные сонеты,
их филигранность и прозрачный свет,
находки, откровенья и приметы.

Вам довелось по-разному любить,
замаливать в сутане ранний грех,
а позже гордо «разность» проносить
сквозь беды, порицанья и успех.